
ВЕСТНИК

Международного
Славянского
Университета

Выпуск 4

Редакционная коллегия:

*К. А. Смирнов (председатель), Б. В. Бирюков
(заместитель председателя),
О. В. Катаева, Т. Е. Никитина, В. А. Студентов.*

Издание выходит с 1996 г.

© МСУ, 1998

Москва 1998

Логика в системе каролингской науки

В. В. Петров,
кандидат философских наук

Под каролингской наукой понимают интеллектуальную деятельность и соответствующие результаты ученых каролингской империи в период примерно с конца VIII по конец IX в. Характерной чертой каролингской науки является сознательное стремление решать теоретические проблемы путем обращения не только к традиционному авторитету (т. е. к священному писанию, сочинениям отцов церкви и церковной традиции), но и к логическому рассуждению. На рубеже VIII-IX в. школьные тексты по логике стали изучаться с точки зрения их применимости к решению теологических доктринальных вопросов. Вопросы логики и изучение категорий занимали в работах первого поколения каролингских ученых исключительное место. Диалектику (так именовалась школьная логика) изучали в кругу сотрудников и учеников Алкуина (735-804), ведущего идеолога каролингских реформ. Сам Алкуин, следуя Бозцию (ок. 480-524), не сомневался в плодотворности использования в теологическом рассуждении правил диалектики, «которые блаженный Августин... посчитал совершенно необходимыми, когда доказал, что глубочайшие вопросы относительно святой Троицы можно решить только тонкостью категорий»¹.

Алкуин ввел в научный оборот анонимный трактат IV в. «Десять категорий», являвшийся свободным переложением «Категорий» Аристотеля. Алкуин же приписал его Августину. В латинских переводах Бозция были известны «Эйсагог» Порфирия и «Об истолковании» Аристотеля. Использовались «Об истолковании» пс.-Апулея и «Установления» Кассиодора, а также «О Троице» Августина (раздел, где говорится, что из всех категорий только категория «сущность» приложима к Богу). До наших дней сохранились переписанные в начале IX в. отрывки из сочинений Клавдиана Мамерта (ум. в 474 г.) и Бозция, с рассуждениями о категории *сущность* (в то время предпочитали использовать греческое слово *усия*). Коллеги Алкуина обсуждали вопрос о применимости категории *усия* к Троице, рассматривали категории *место* и *время*. Этот интерес виден и в подборе сочинений известного кодекса, принадлежавшего сотруднику Алкуина Лейдраду (манускрипт содержит «Эйсагог» Порфирия, «Десять категорий», отрывки из сочинений «О диалектике» Алкуина, «Об истолковании» пс.-Апулея, первый комментарий Бозция на сочинение «Об истолковании» Аристотеля и его же список объектов, которые «истинно есть» из «Установлений арифметики»).

Основной темой первой книги самого значительного философского трактата, созданного в период между Августином и Фомой Аквинским — «Перифьюсеон» Иоанна Скотта (Эригуены) — является исследование применимости десяти аристотелевских категорий к Богу.

¹ De fide, в Patrologia latina (общ. ред. J.-P. Migne) t. 101, p. 12; quas beatus Augustinus... apprime necessarias esse putavit dum profundissimas de Sancta Trinitate quaestiones, non nisi categoriarum subtilitate explanari posse probavit.

Логика в трактате Фридугиса

Фридугис (ум. в 834 г.), канцлер Людовика Благочестивого, аббат монастырей Сен-Бертен и Сен-Омер, принадлежал к первому поколению каролингских ученых. Сохранился только один небольшой трактат Фридугиса — «*О ничто и о тьме*», написанный в 800 г. для Карла Великого. О прочих сочинениях Фридугиса известно мало, но характерно, что его современник — Агобард, епископ Лионский — упрекал его в защите ложных мнений «при помощи силлогизмов» и следования языческим философам в теориях о происхождении души.

Сочинение «*О ничто и о тьме*» интересно для истории философии тем, что дает представление о проблемах, занимавших умы каролингских ученых, а также о методах, которые выбирались для их решения. В этом трактате Фридугис, используя правила диалектики, старается разрешить «давно обсуждаемый многими вопрос» о природе доктринальных *ничто* и *тьмы*: как сказали бы сегодня, он пытается установить, существуют ли в объективной, внемементальной реальности референты подобных негативных понятий. Логика при этом неразрывно связана с анализом языка, грамматикой в ее тогдашнем широком понимании. Вот некоторые тезисы трактата.

О НИЧТО И О ТЬМЕ

О ничто

1. «Ничто», если только оно, как утверждают грамматика, есть имя, является определенным именем. А всякое определенное имя обозначает *н е ч т о*.

2. *Н и ч т о* является *обозначающим речением* [vox significativa]. А всякое обозначение относится к тому, что обозначает. Отсюда опять доказано, что [ничто] не может не быть чем-то.

3. Равно и другое: всякое обозначение есть обозначение того, что *е с т ь*, а *ничто* что-то обозначает. *Значит, ничто* есть обозначение *т о г о*, что *е с т ь*, то есть существующей вещи.

О тьме

4. В книге Бытия сказано: *И была тьма над поверхностью бездны* (Быт. 1:2). Тот, кто говорит «тьма *е с т ь*», полагает этим утверждением вещь. Субстанциальный глагол [esse] по природе таков, что к какому бы подлежащему не был он присоединен без отрицания, он показывает наличие субстанции у этого подлежащего. Следовательно, в словах: *была тьма над поверхностью бездны*, утверждена вещь, которую не обособляет или не отделяет от бытия никакое отрицание. И «тьма» есть подлежащее, а «была» — показывание. Ведь оно разъясняет сказыванием [«была»], что тьма некоторым образом *е с т ь*.

5. Вот так неколебимый авторитет, сопровождаемый разумом, и разум, в свою очередь, признавший авторитет, сказывают одно и то же, а именно: *т ь м а е с т ь*.

6. Когда Господь, в возмездие за скорбь народа Израиля, подверг Египет суровым казням, Он окутал его столь плотной тьмой, что она могла осязаться (Исх. 10:21), и не только лишала глаза людей возможности видеть, но по причине густоты ее даже можно было ощупать руками. А то, что можно трогать и осязать, необходимо существует.

7. Вещам, которые Он сотворил, Создатель положил имена, чтобы вещь, названная соответствующим ей именем, была узнана. И ника-

кой вещи не образовал Он без имени, и никакого имени не установил без того, чтобы не существовало то, чему Он [это имя] установил. Бог сообразно мере установил вещи и имена, которые необходимы друг для друга.

8. Также иное: *если свет, что в тебе, — тьма, то сколь густа будет тьма?* (Мф. 6:23). Я полагаю, никто не сомневается, что количество [quantitas] придано т е л а м, которые все распределяются через него. Ведь для тел «количество» является второй акциденцией². Акциденции же или находятся в подлежащем или о подлежащем сказываются³. Следовательно, высказыванием «сколь [quanta] густа будет тьма» в подлежащем показывается к о л и ч е с т в о. Из этого весомого довода следует, что тьма не только е с т ь, но также и телесна.

Очевидно, что у Фридугиса имеется своя философия языка. Так, он утверждает, что каждое *определенное имя* означает *нечто* (1), обозначающему речению необходимо соответствует *нечто* (2). Далее следует малопонятный тезис (3) о том, что всякое обозначение относится к «тому, что есть» (под последним Фридугис, скорее всего, понимает некоторый внementsальный объект). Вообще говоря, Создатель сотворил равное число вещей и имен, установив между ними взаимно однозначное соответствие (7).

Во второй части трактата, Фридугис использует смешанную технику доказательства. Он обращается к авторитету святого писания, цитируя те или иные строки Ветхого и Нового Заветов, но (и это весьма характерно) уже не удовлетворяется простым принятием истины авторитетного текста. Он рассматривает эти цитаты как логические утверждения, т. е. применяет к ним научный инструментарий. Так, фраза «и была тьма над поверхностью бездны» (Быт. 1:2) становится утверждением, в котором имеется свой субъект «бездна» и предикат «была» (4). Тьма густа (Мф. 6:23), т. е. имеет некое акцидентальное «количество», как и всякая сущность (8). Сам Фридугис с удовлетворением замечает, что авторитет и признающий его первенство разум идут вместе и согласны в истине: «тьма есть» (5).

Трактат представляет любопытный образец архаического христианского платонизма: если у языческих неоплатоников знание тождественно бытию (например, для близкого к «чистому неоплатонизму» Эриугены, младшего современника Фридугиса, умственное понятие о вещи есть субстанция самой вещи), то у Фридугиса предмету тождественно не понятие, но слово⁴. Триада «слово — значение —

² В «Категориях» Аристотеля количество обсуждается сразу после сущности, т. е. является «первой акциденцией» (Категории IV, 1б25-2а4; Толика I, 9, 103б20-23). Эту же последовательность сохранил в своем переводе «Категорий» Бозций, она воспроизводится Кассиодором (Установления, кн. II, 10) и в Десять категорий 144, строки 17-19 (Milio-Paluello). Однако была и другая традиция, представленная у Марциана Капеллы (О браке Филологии и Меркурия (изд. A. Dick, кн. IV, 168-170); у Бозция (первый Комментарий на «Эйсагога» Порфирия и перечень реалий, которые истинно суть из Установлений арифметики гл. I, 1), у Халкидия (Комментарий к «Тимею» § 305 (изд. Waszink)). В соответствии с ней первой после «сущности» называлось «качество». Этот порядок предпочитали в кругу Алкуина: он таков в написанном около 817 г. манускрипте Rome Bibl. Padri Maristi A II, 1, который принадлежал коллеге Алкуина Лейдраду; таков он у Фридугиса. Ср. Эриугена, Примечания к Марциану Капелле 86, строка 17 (изд. C. Lutz): A quibusdam post substantiam quantitas ponitur, a quibusdam qualitas.

³ Ср. Аристотель, Категории 2, 2 б 4: «Таким образом, все другое [помимо первых сущностей] или говорится о первых сущностях как о подлежащих, или же находится в них как в подлежащих» (пер. А. В. Кубицко); в переводе Бозция: Quocirca cetera omnia aut de subiectis primis substantis dicuntur aut in subiectis ipsis sunt.

⁴ Это — весьма характерная особенность религиозного сознания, привносящего магический или теургический элемент. Ср. А. Ф. Лосев, Вещь и имя (в книге Бытие

вещь» превращается у него в пару «слово — вещь», поскольку «обозначение» практически не играет самостоятельной роли.

Философию Фридугис понимает как сплав логики и грамматики, рассматривая ее как универсальный метод решения отвлеченных проблем. Разумеется, трактат не был ответом на дискуссию о существовании референтов у негативных понятий. Рассматриваемое nihil абстрактным понятием не является, это доктринальное и ч т о, из которого сотворен мир. В этом коренное отличие философа Платона, рассуждающего об отвлеченном $\mu\eta\nu$, от диакона Фридугиса, решающего до некоторой степени прикладную задачу.

Логика и теология

Двумя наиболее усердно изучавшимися каролингами искусствами были грамматика и логика. Не удивительно, что столь важной была грамматика. Латинский был языком административным, церковным, научным, и даже для тех, кто говорил на разновидности латинского как на родном языке, наставление в грамматических сложностях было обязательным. Напротив, важность, отведенная логике, была каролингским нововведением. В античных школах упражнение в риторике было гораздо распространеннее упражнений в логике, и за исключением короткого обсуждения у Кассиодора («Установления» II, 3) и Исидора («Этимологии» II, 22-31) не существует свидетельств изучения логики в период между смертью Бозция и концом VIII в.

Возрождение логики связано с инициативой одного человека — Алкуина. Почему Алкуин приписал «Десять категорий» Августину? Возможный ответ, содержащий интересные выводы, дает ряд отрывков, вероятно, составленных Кандидом, одним из любимых учеников Алкуина. Первый отрывок озаглавлен «О десяти категориях Августина» и состоит по большей части из отрывка из «О Троице» Августина, в котором доказывается, что только одна из десяти категорий — «сущность» — применима к Богу. Для Алкуина и его кружка работа «О Троице» указывала на особый интерес Августина к логическим категориям, она также обеспечивала связь между логикой и изучением христианской доктрины. Состав кандидатского собрания дает дальнейшие примеры такого сочетания, поскольку отрывки, в которых идет речь о Троице и существовании Бога, соседствуют с чисто логическими по содержанию. Еще один пример связи между логикой и теологией в конце VIII в. дают Libri Carolini (Карловы книги) — книга IV, глава 23 — официальный ответ, составленный от имени Карла Великого на византийское иконоборчество. В этой главе нарочито используется анализ доказательств в форме силлогизмов из сочинения «Об истолковании» Аристотеля и первого комментария Бозция на эту же работу. В настоящее время принято считать, что главным автором Libri Carolini был Теодульф Орлеанский, однако на эту главу, как кажется, повлиял Алкуин.

— Имя — Космас, М., 1993: «Имя не может быть только понятием. Понятие не есть название или обращение <...> понятие не активно. Оно есть тот же отвлеченный смысл, хотя и определенным образом оформленный, но ни от кого не идущий, ни на что не направленный, никого ни с кем и ни с чем не общающий» (с. 821); «Имя есть <...> понятие понятие» (с. 831); «Имя есть понимание» (с. 821); «Всякое имя есть всегда имя чего-нибудь и кого-нибудь» (с. 848); «Имя, никого не называющее и никем не называемое, равно как и имя, не способное подчинить себе физическую действительность, конечно, ни в каком случае не может считаться именем» (с. 879); «Природа именем логична <...> Знать правильные имена вещей значит уметь владеть вещами. Уметь владеть именами значит мыслить и действовать магически» (с. 832); «Мифический и магический момент реального имени не может подвергаться никакому сомнению» (с. 880).

В IX в. прогресс в изучении логики продолжал быть связанным с ее использованием в доктринальных спорах. Немного позже — вероятно в 870-х или 880-х годах — ученые школы Осерра принялись составлять глоссы к «Десяти категориям». При этом основной заботой толкователей было не объяснить учение о категориях, но скорее увязать пс.-августиновский текст с метафизическими и теологическими идеями, развитыми Иоанном Скоттом (Эриугеной).

Тот факт, что авторы некоторых античных логических текстов были язычниками, не вызывал затруднений у ученых раннего средневековья. Хотя логику и можно было использовать для доктринальных целей, сама она по отношению к откровению была нейтральна. Хотя язычник Порфирий в своих нелогических сочинениях был яростным критиком христианства, в его «*Эйсогоге*» не было ничего, что требовалось бы отвергнуть даже самым благочестивым верующим. Напротив, другие части античной философии содержали многое из того, что христианским читателям было принять нелегко. Даже платонизм, который был признан Августином как самая близкая к христианству философия, имел положения, противные церкви: вечность материи, существование мировой души, животворящей вселенную как человеческая душа — тело.

Позднеантичная логика, унаследованная ранним западным средневековьем через Бозция, была разработана в основном платониками. Но, вслед за Порфирием, эти античные авторы работали, принимая допущение, что логика Аристотеля действительна только в ее собственной области. Поэтому они, как правило, не пытались применить к ней платонические принципы. Последние оставались за метафизикой. Средневековая логика строится на унаследованном от античности аристотелевском основании, за исключением того, что логика более не ограничивается своей областью при постижении реальности. Охватывающая ее структура платоновской метафизики исчезла, будучи скорее пропущенной, чем отвергнутой, и логика стала универсальным средством и источником спекуляции.

Каролингская эпоха не дала гениальных логиков, таких, как Ансельм в XI в. или Абельяр — в XII. В том, что касается логической теории, это было время усвоения, а не нововведений. И все же Алкуин и его последователи ввели то новое, что придало важность логике в школьной программе. Эта важность определяется тесной связью, которую они установили между логикой и обсуждением христианского учения. Хотя своими предшественниками каролингские ученые могли считать Августина и Бозция, они трансформировали то, что было одной из линий поздней античной мысли, в четкую систему преподавания и теоретизирования. Средневековая философия и теология были сформированы последствиями этого начинания.